

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-96-103

Поляков Михаил Петрович
Michael P. Poliakov

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, professor of the department of criminal procedure
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: polmihpet@rambler.ru

Алешина Мария Дмитриевна
Maria D. Aleshina

курсант
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

cadet
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: polmihpet@rambler.ru

Телеологические амбиции уголовного процесса

Teleological ambitions of the criminal process

Статья посвящена вопросам целеполагания в уголовном судопроизводстве. Авторы считают, что особым элементом юридической техники целеполагания на уровне закона служит прием формирования сверхзадач уголовного процесса. Этот прием авторы назвали «телеологические амбиции уголовного судопроизводства». Именно через этот прием законодатель подтверждает свою приверженность принципу неотвратимости наказания (ответственности).

Ключевые слова: цель уголовного процесса, телеологические амбиции уголовного судопроизводства, принцип неотвратимости наказания (ответственности).

The article is devoted to the issues of goal-setting in criminal proceedings. The authors believe that a special element of the legal technique of goal-setting at the level of the law is the method of forming the super-tasks of the criminal process. The authors called this technique «teleological ambitions of criminal justice». It is through this technique that the legislator confirms his commitment to the principle of the inevitability of punishment (responsibility).

Keywords: the purpose of the criminal process, teleological ambitions of criminal proceedings, the principle of the inevitability of punishment (responsibility).

**К 87-летию со дня рождения основателя
Нижегородской (Томинской) школы процес-
суалистов профессора Валентина Тимо-
феевича Томина**

Издревле известна формула: «Проясни свою цель и достигнешь ее без суеты». Данная установка востребована во всех сферах человеческой деятельности. Не может обойтись

без нее и научное осмысление уголовного судопроизводства. Нижегородская (Томинская) школа процессуалистов вопросам целеполагания уделяет пристальное внимание; по этой

© Поляков М. П., Алешина М. Д., 2021

тематике написаны монографии, статьи, защищены докторские и кандидатские диссертации. Основатель научной школы профессор В. Т. Томина считается крупнейшим теоретиком в области цели отечественного уголовного процесса. Свою знаменитую основополагающую работу о цели процесса он написал еще тогда, когда старшему из авторов этой статьи исполнилось только пять лет, а у младшего автора не родились даже родители [1]. Однако, несмотря на давность лет, ни одно серьезное теоретическое исследование, посвященное цели процесса, до сих пор не может пройти мимо этой публикации и не отметить оригинальность и прозорливость томинского взгляда, представленного в этой и других научных работах [2].

Объяснение популярности томинской концепции заключается не только в самобытности и уникальности профессора В. Т. Томина; оно коренится в самой теме целеполагания, в ее многослойности и в каком-то смысле эзотеричности. В рамках нашей научной школы эта тема всегда была и остается в центре особого душевно-научного внимания. Без преувеличения можно сказать, что в рамках школы сформировалось особое телеологическое направление, рассматривающее ключевые элементы целеполагания уголовного судопроизводства в разных ракурсах: эволюция цели, содержание цели, градация цели (цели, задачи, назначение, смысл) и т. д. Немало написано, много продумано, но поиск оттенков и нюансов целеполагания отнюдь не завершен. И именно в нюансах прячутся важнейшие штрихи к постижению глубинного смысла цели судопроизводства. Поэтому, следуя заветам Учителя-основателя и девизу школы (не идти по следам древним, но искать то, что искали они), мы искренне полагаем, что существенный интерес для постижения телеологической сущности процесса представляют и предметы на первый взгляд незначительные, воплощающие лишь внешнюю, эстетическую сторону целеполагания. Пристально всматриваясь в доктринальные и нормативные формы выражения цели, мы открыли для себя значимость такого аспекта целеполагания, как уровень амбициозности целей (задач, назначения), которые ставились и ставятся перед отечественным судопроизводством. Этот аспект давно лежит на самом видном месте и при этом мало кем замечается и отмечается. Этот новый/неновый срез целеполагания мы закодировали в формуле «телеологические амбиции», вынесенной в заголовок работы. Эта формула изначально понадобилась нам для привлечения внимания

к специфической стороне проблемы уголовно-процессуального целеполагания. Однако позже выяснилось, что у этого нового термина есть не только вычурное звучание, но и значительный теоретический потенциал.

На первый взгляд, слово «амбиция» в контексте уголовно-процессуальной телеологии может претендовать только на роль метафоры, поскольку придает судопроизводству антропоморфный характер, наделяет его личностными качествами. Действительно, в русском языке это слово, как правило, имеет психологически заряженную смысловую окраску и применяется преимущественно для характеристики личности человека. Так сложилось, что словом «амбиция» помечают не самые почитаемые человеческие устремления: честолюбие, самолюбие, тщеславие, самомнение и даже спесь. Демонстрация «амбиции» указывает не только на наличие в человеке этих черт, но и подчеркивает их явную, почти патологическую избыточность, выходящую за рамки общепринятых допущений. Таким образом, слово «амбиция» носит преимущественно неодобрительную смысловую окраску, подчеркивающую, что уровень дарований субъекта не соответствуют уровню его притязаний (персональному целеполаганию) [3, с. 24]. О таком несоответствии красочно говорится в народной поговорке: «на грош амуниции, на рубль амбиции».

Эта смысловая направленность сохраняется и в более мягком варианте трактовки, закрепляющем за словом «амбиция» лишь некие завышенные, не подкрепленные нужной базой притязания. Однако в этом смягченном смысловом поле свойства «амбиции» можно перевести с уровня личностной психологической привязки к субъекту на технологический уровень, где критерий амбициозности может служить средством сопоставления безличных целей и таких же безличных средств деятельности. Именно в этом нейтральном смысловом контексте и проявилось наше терминологическое изобретение «телеологические амбиции уголовного судопроизводства», послужившее проводником к загадкам целеполагания. С одной стороны, в данном термине жестко констатируется наличие у судопроизводства таких притязаний, а с другой — не менее жестко ставится вопрос о их методологической и идеологической ценности.

Оговоримся, что новым является авторский термин «телеологические амбиции уголовного судопроизводства», но не само явление, которое мы им обозначаем. Юридическая наука часто обращается к теме необоснованных целе-

устремлений уголовного процесса, например, в рамках дискуссий о проблемах объективной истины как цели процесса, или же спорах о правомерности провозглашения неотвратимости ответственности (наказания) межотраслевым принципом уголовного и уголовно-процессуального права. Примеры суждений, развенчивающих телеологические амбиции уголовного процесса, легко отыскать в юридической литературе. Так, профессор Н. А. Колоколов, рассуждая об устремлениях следователя, пишет: «Необходимо признать, что неотвратимость наказания — утопия» [4, с. 6]. Ю. А. Цветков с уровня своего авторитета пессимистично заключает, что «существуют уголовные дела, по которым истина не будет установлена никогда» [5, с. 11]. И это не просто частные мнения отдельных ученых, не их эпизодические персональные сомнения. Это иллюстрация, отражающая публичные (нормативные) тенденции отечественного судопроизводства и «многолюдные» доктринальные течения. Не вдаваясь в оценку приведенных суждений и не вступая в полемику с авторами, мы хотим показать, что телеологические амбиции в уголовном судопроизводстве замечены как явление; их замечают, критикуют в эмпирическом ключе, отказывают им в праве на жизнь, но при этом глубоко не анализируют в рамках сосредоточенного теоретического осмысления. Пока никто не взялся за то, чтобы на монографическом уровне ответить на вопрос: зачем в свое время законодателю понадобилось прописывать эти амбиции в тексте закона? Почему в настоящее время отечественный законодатель явно уклоняется от этого?

Более того, мы вряд ли ошибемся, если заявим, что подобные вопросы в таком ракурсе никто и не ставил. К нам же эти вопросы пришли в ходе рассуждений на тему «искренности» и однозначности нормативных ремарок по поводу принципа неотвратимости наказания (ответственности). Нас смутило (а точнее заинтриговало) то обстоятельство, что де-юре провозглашая идею неотвратимости наказания (ответственности) лица, совершившего преступление, важнейшим ориентиром правоприменения в области уголовного права и процесса законодатель одновременно создает явные и скрытые правовые предпосылки для того, чтобы формально сделать достижение этой самой по себе запредельной цели еще более тяжелой задачей. Вполне возможно, что к этому парадоксальному шагу законодателя подталкивает необходимость одновременного (пусть и завуалированного) провозглашения в качестве цели

прямо противоположной идеи — недопустимости (отвратимости) наказания (ответственности) невиновных и не причастных. Такова дуалистическая структура современного целеполагания, узаконенная в статье 6 УПК РФ. В этой двойственной форме обозначения телеологических амбиций скрывается немало интересного и неоднозначного.

Для нас пока важнее сам факт того, что телеологические амбиции есть реальный элемент юридической техники целеполагания в уголовном судопроизводстве. Причем этот элемент является идеологически оправданным, необходимым (правда, иногда игнорируемым) атрибутом нормативного выражения задач уголовного судопроизводства.

Неотъемлемым элементом целеполагания телеологические амбиции, по нашим оценкам, стали в советском уголовном процессе. Законодатель обратился к ним в ходе правовой реформы, случившейся в конце 50-х годов прошлого века. Приметы амбициозного целеполагания без труда обнаруживаются в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (далее — Основы).

Согласно статье 2 Основ («Задачи уголовного судопроизводства»): «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития». Слово в слово положения этой статьи были перенесены в УПК РСФСР и других республик СССР.

По нашему мнению, приведенная формулировка задач советского уголовного судопроизводства пропитана телеологическими амбициями. Во-первых, к ним с некоторыми оговорками можно отнести и указание на быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных. Это важнейшая технологическая установка на запредельную задачу процесса. На запредельность задачи указывает скрытое противоречие, которое имеет место в отношениях быстроты и полноты. Эта проти-

воречивость тоже проявление амбициозности целеполагания.

Во-вторых, нацеливание уголовного процесса на то, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден — это уже без всяких оговорок телеологическая амбиция. Амбициозные намерения акцентируются словами, подчеркивающими высокий гуманистический смысл поставленной цели: «каждый» и «ни один». Это не просто красивые высокопарные слова, это как раз и есть язык телеологических амбиций, на котором кодируется своеобразная присяга судопроизводства перед обществом.

Легко заметить, что таким словесным образом в теле нормативных задач уголовного процесса косвенно прописывается истинная его (процесса) цель — законными средствами обеспечить неотвратимость наказания (ответственности). Таким образом, в завуалированном ядре цели уголовного процесса проявляется принцип неотвратимости наказания (ответственности) в равной мере важный для уголовного права и для уголовного процесса. Добавим, что государственный замах на искоренение преступности, на котором делается акцент во второй части анализируемой статьи Основ — это тоже чистой воды телеологическая амбиция.

Телеологические амбиции как инструмент нормативного целеполагания были активно задействованы в ходе реформирования отечественного законодательства, обусловленного изменениями государственного устройства, последовавшими за распадом СССР. Указанные амбиции мы наблюдаем в формулировке Модельного УПК для государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — Модельный УПК).

В части второй статьи 2 Модельного УПК мы видим на первый взгляд знакомую нормативную установку:

«Органы, ведущие уголовный процесс, должны стремиться к тому, чтобы в результате их деятельности: 1) каждый совершивший запрещенное уголовным законом деяние был изобличен в соответствии с положениями настоящего Кодекса; 2) ни один невиновный в совершении преступления не был заподозрен, обвинен и осужден; 3) никто не подвергался произвольно, то есть незаконно либо без необходимости, мерам процессуального принуждения, наказанию, другим ограничениям его прав и свобод».

Легко заметить ключевые слова языка телеологических амбиций — «каждый», «ни один»,

«никто». Но не менее важно заметить и другое обстоятельство. В нормах, определяющих задачи процесса, Модельный УПК предложил выделять два блока. Первый блок — задачи, которые ставятся перед уголовным процессом в целом; они скромны, умеренны и вняты; изложены в части первой указанной статьи. «Уголовное судопроизводство осуществляется с тем, чтобы обеспечить: 1) защиту личности, общества и государства от преступлений; 2) защиту личности и общества от злоупотреблений государственной властью и самоуправных действий в связи с предполагаемым или действительным преступным деянием».

Из приведенной формулировки явствует, что назначение уголовного судопроизводства сплетается из двух идей и имеет двуединый характер: с одной стороны, оно нацелено на выявление и осуждение лиц, совершивших преступления; с другой — гарантирует этим лицам особый правовой режим защиты от уголовного преследования. Будучи уравниваемыми в идеологическом поле, в функциональном смысле эти идеи не совсем равнозначны. Если первая идея функциональна, то вторая нет; она всего лишь форма исправления функциональных ошибок, которые возможны в ходе реализации первой идеи.

Мы хотим обратить особое внимание на один идеологический момент, который становится заметным как раз на фоне телеологических амбиций, обозначенных во второй части статьи. Речь идет об априорном «покаянии» государственной власти в злоупотреблениях, которые еще не произошли. В контексте задач уголовного судопроизводства эти злоупотребления из разряда экстраординарных ситуаций переводятся в ранг обычного явления, присущего уголовному судопроизводству чуть ли не по самой природе его.

Определяя органы, ведущие уголовный процесс, «потенциальными злодеями», Модельный УПК тем не менее уголовно-процессуальные устремления этих органов формулирует как раз очень амбициозно. Делает он это во втором блоке задач. Однако и здесь телеологические амбиции, по нашему мнению, выражены весьма изощренным способом. На первый взгляд, перед нами почти те же приемы юридической техники целеполагания, что были использованы советским законодателем, тот же язык телеологических амбиций. Однако при внимательном рассмотрении обнаруживаются занимательные нюансы, приметы «хитрой» постановки высокой цели. Приглядевшись, можно обнаружить, что поставленная органам, ведущим процесс,

цель — это как бы и не цель вовсе, а всего лишь мечта, некий условный ориентир для честолюбивых профессиональных устремлений. На эти выводы нас наталкивает сама напутственная формулировка — «должны стремиться». Естественно, что стремление — это тоже цель, но цель не близкая, а уходящая за горизонт, постоянно убегающая от того, кто к ней устремлен.

Но важна здесь не только отсроченная цель, результаты стремления к которой трудно эмпирически измерить, но и то, что по сравнению с советским законодателем разработчики Модельного УПК поменяли сам адресат телеологических амбиций — с уголовного процесса в целом на конкретных субъектов этого процесса. Тем самым телеологические амбиции уголовного судопроизводства трансформировались в амбиции субъектов, ведущих процесс. Эти амбиции им предписываются в нормативном порядке через формулу «должны стремиться».

Если в Основах не особо видно, что к телеологическим амбициям закон подталкивает деятелей, то в Модельном УПК сделан буквальный акцент на субъекте. В первом блоке задач мы видим установку на смягчение задач деятельности; в них выделяются два элемента: защита от преступлений личности, общества и государства; и защита от необоснованных обвинений и злоупотреблений со стороны лиц, ведущих уголовное судопроизводство. По сути, в этом блоке аккумулируются два ключевых концепта цели: попасть в виновного и не задеть невиновного. И эти же два концепта акцентируются и во втором блоке — блоке амбиций деятелей, на языке телеологических амбиций: «органы должны стремиться к тому, чтобы “каждый” и “никто”».

Таким образом, можно предположить, что в механизме целеполагания появились телеологические амбиции двух видов: функциональные амбиции деятельности и персональные амбиции деятелей. Функциональные амбиции нацеливают уголовно-процессуальную деятельность в целом через совершенствование ее технологии; персональные адресуются органам, ведущим уголовный процесс, и намекают на необходимость усердия.

Это интересное наблюдение. Но, скорее всего, оно не принесет значимых результатов в сущностном понимании телеологических амбиций уголовного судопроизводства. По сути, мало что меняется от того, предписываются ли эти амбиции непосредственно органам, ведущим процесс, или же просто возлагаются на уголовно-процессуальную деятельность. В конеч-

ном итоге в ходе реального судопроизводства невозможно разрывать деятеля и деятельность.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве на постсоветском пространстве используются оба варианта акцентуации телеологических амбиций. Так, УПК Украины использует функциональный вариант телеологической амбициозности, определяя, что «задачами уголовного судопроизводства являются защита личности, общества и государства от уголовных преступлений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения с тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное преступление, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению и чтобы к каждому участнику уголовного судопроизводства была применена надлежащая правовая процедура» (ст. 2 УПК Украины).

Тот же путь пришелся по душе и законодателю Туркменистана. Статья 7 УПК этой страны гласит: «Задачами уголовного процесса являются оперативное и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения уголовного закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

В этом же русле законодатель озадачивает практических процессуалистов Беларуси. «Задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ст. 7 УПК Республики Беларусь).

Республика Узбекистан ставит амбициозные задачи непосредственно перед уголовно-процессуальным законодательством. «Задачами уголовно-процессуального законодательства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы

каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден» (ст. 2 УПК Республики Узбекистан).

А вот УПК Армении ближе подход персональной амбициозности задач. Закон предлагает органам не просто стремиться к высоким целям, а формулирует эти цели в качестве непосредственного результата их деятельности. Часть вторая статья 2 УПК Республики Армении так и формулирует: «Органы, осуществляющие уголовный процесс, обязаны принять все меры, чтобы в результате их деятельности: 1) каждый совершивший не допускаемое Уголовным кодексом деяние был изобличен и привлечен к ответственности в случаях, предусмотренных уголовным законом, и в порядке, установленном настоящим Кодексом; 2) ни одно невиновное в совершении преступления лицо не было заподозрено, обвинено и осуждено; 3) никто не подвергался незаконно либо без необходимости мерам процессуального принуждения, наказанию, иному ограничению прав и свобод».

В Республике Молдова используется метод формулирования телеологических амбиций, который можно условно назвать синтетическим. В статье 1 УПК Республики Молдова мы видим и функциональную, и персональную амбициозность. «Задачей уголовного судопроизводства является защита личности, общества и государства от преступлений, а также защита личности и общества от противозаконных действий должностных лиц при расследовании предполагаемых или совершенных преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был наказан в меру своей вины и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Органы уголовного преследования и судебные инстанции обязаны действовать в ходе уголовного судопроизводства таким образом, чтобы ни один невиновный не подвергался подозрению, обвинению или осуждению и никто не подвергался произвольно или без надобности мерам процессуального принуждения либо не стал жертвой нарушения других основных прав».

Что касается нормативных приемов целеполагания, используемых нашим отечественным законодателем, то их своеобразность заключается в том, что они совсем не используют юридическую технику телеологических амбиций. Статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» использует очень прозаические формулировки. В подтверждение приведем текст указанной статьи.

«1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Как видим, в описании назначения уголовного судопроизводства мы амбиций не наблюдаем. Неизбежен вопрос — почему? В ходе дальнейшего исследования мы обязательно найдем ответ на этот вопрос, а пока ограничимся лишь констатацией факта: нормативная формулировка назначения отечественного уголовного судопроизводства — не амбициозна.

Проблему телеологических амбиций необходимо обдумывать, обращая внимание на юридическую технику формирования задач. Этой технике присущ свой язык и своя структура, как правило, состоящая из двух блоков. Именно структура статьи 2 Основ (ст. 2 УПК РСФСР) в свое время навела В. Т. Томина на мысль о том, что законодатель тоже зафиксировал в этой статье два телеологических блока. Первый блок — задачи уголовного судопроизводства как отрасли деятельности (находятся в части второй статьи и вращаются вокруг идеи борьбы с преступностью). Второй блок — это конкретная цель по конкретному уголовному делу. Она сформулирована в первой части статьи (выше мы ее приводили). Несмотря на то, что субъекты в этой норме не упоминаются, это цель, которая ставится именно субъектам уголовного судопроизводства в данной конкретной ситуации обнаружения признаков преступления. Именно в рамках конкретной цели деятелей законодатель и актуализирует телеологические амбиции, присущие судопроизводству в целом.

Законодательная техника формирования телеологических амбиций позволяет иначе взглянуть на принцип неотвратимости наказания (ответственности). В каком-то смысле этот принцип тоже амбиция государства. Под эту государственную амбицию выстраивается технология уголовного процесса и настраиваются субъекты, которые призваны эту технологию воплотить.

Кто-то считает, что данный принцип всего лишь утопия. В каком-то смысле это отчасти

так. Но только отчасти и в том смысле, если утопию понимать как мечту, как некий грандиозный проект. Однако в рамках цели уголовного судопроизводства идея неотвратимости наказания (ответственности) понимается предельно конкретно. Всякое конкретное уголовное дело должно достичь цели, иными словами, обеспечить неотвратимость ответственности виновного по этому делу и тем самым (именно избличением настоящего виновного) отвратить ответственность невиновного.

Уголовно-процессуальный закон, по замыслу законодателя, который он вкладывает в подтекст целеполагания, содержит в себе необходимый для этого потенциал. Этот потенциал позволяет достичь неотвратимости наказания виновного (ответственности) правильным применением совершенного закона. Этот же закон в умелых руках способен оградить невиновного от незаконного осуждения.

Подчеркнем, что презумпция совершенства уголовно-процессуальной технологии закодирована в самой нормативной формулировке задач. Но не только в ней. Сам принцип законности в первую очередь подразумевает это совершенство. Сомневаться в эффективности закона может ученый; следователь и судья должны верить в закон, верить в то, что правильное применение закона полностью зависит от рвения правоприменителя. Таким образом, телеологические амбиции уголовного судопроизводства не беспочвенны, они опираются на идею практической эффективности закона, на роль и прилежание субъектов, на которых эта деятельность возложена государством.

Возможно, что через такой инструмент, как телеологические амбиции, законодатель решает особую идеологическую задачу, заключающуюся в том, чтобы транслировать идею совершенства закона, его потенциальную возможность решать задачи обеспечения неотвратимости наказания (ответственности) для виновных и недопустимости ответственности невиновных. От органов, ведущих процесс, требуется только усердие, вера в себя; в идеале вера в то, что они способны сотворить чудо. Это случаи, когда, несмотря на все противодействие практических обстоятельств, орган расследования неумолимо идет к цели, идет на волне амбиций, на той эмоциональной установке, на которую его настраивает законодатель, призывая отыскать каждого виноватого.

Законодатель именно настраивает; не велит, не приказывает, он как бы рекомендует — дарит органам, ведущим процесс, не казенную,

а настоящую цель, миссию. Возможно, это не сразу видно и не всем заметно. Возможно, что и сам законодатель не имел в виду ничего такого, что мы ему в настоящей статье приписываем. Возможно, законодатель сделал это из сугубо эстетических соображений: применил амбициозные слова («каждый». «ни один» и т. д.) лишь для красоты и благозвучия. Возможно, авторы этого законодательного положения просто не подзревали, что они формулируют телеологические амбиции; формируют по сути особые нормы — «нормы-амбиции, нормы-сверхзадачи».

Термин «сверхзадачи» роднит уголовный процесс с цирком, с цирковым искусством. Именно там артист решает сверхзадачу, демонстрируя сверхвозможности тела и духа, даря публике маленькое чудо. Телеологические амбиции как раз и вносят в уголовное судопроизводство нотки чудесного. В этих словах не пафос, в них стремление, которое советский поэт выразил словами: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». В телеологических амбициях уголовного судопроизводства закодирована мечта, стремление уголовного процесса к отысканию надежнейших средств восстановления социальной справедливости. Телеологические амбиции — не украшательство, не пустая норма. Это вполне продуманный эффективный инструмент нормативного целеполагания.

И на фоне этих выводов снова вызывает легкое недоумение тот факт, что российский УПК ушел от этого инструмента целеполагания. Назвав статью 6 высокопарно «Назначение уголовного судопроизводства», разработчики Кодекса наполнили это назначение вполне обыденными нормами, формулирующими тривиальные сильные задачи, не требующие особой миссии участников, ведущих процесс. Кроме того, в статье 6 УПК РФ явно прослеживается намерение подчеркнуть лишь один аспект цели — защитить личность от возможных ошибок и злоупотреблений государственных органов, ведущих уголовный процесс. Это достойное намерение. Но этого акцента явно недостаточно. Да и сам этот акцент, как мы уже заметили выше, идеологически не безупречен.

Полагаем, что нужно добавить в статью 6 УПК РФ уже знакомых ранее отечественному уголовно-процессуальному законодательству телеологических амбиций, которые добавят в содержание и смысл уголовного судопроизводства капельку необходимых ему чудесных намерений.

Мы не напрасно ставим в один ряд телеологические амбиции и чудо. Чудо — очень

интересная категория. На первый взгляд, она явно не юридическая и уж точно не уголовно-процессуальная. Но В. Т. Томин искусно ввел «чудо» в язык нашей научной школы и язык уголовно-процессуальной теории. Причем, ввел не только слово, но и какой-то особый вектор устремленности к поиску чудесных путей, к обретению совершенного уголовного процесса. В смутные, но энергичные советские годы революционных перемен в области процесса, профессор В. Т. Томин прямо дал понять, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо — первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности» [6, с. 12].

Таким образом, можно говорить о том, что установка на неотвратимость наказания (ответственности) это и есть установка на поиск чудесной технологии уголовного судопроизводства. Телеологические амбиции как раз и выводят уголовное судопроизводство на границу, где возможно соприкосновение с чудом. Истинные процессуалисты не должны забывать, что и они рождены для того, чтобы сказку сделать былью.

Примечания

1. Томин В. Т. Понятие цели уголовного процесса // Правоведение: Известия высших учебных заведений. 1969. № 4.

2. Попов А. П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства. Пятигорск, 2006.

3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

4. Колоколов Н. А. Российский следователь — просвещенный инквизитор с человеческим лицом // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3.

5. Цветков Ю. А. Приостановить нельзя прекратить // Уголовный процесс. 2020. № 12.

6. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.

References

1. Tomin V. T. The concept of the purpose of the criminal process. *Pravovedenie: Izvestia of higher educational institutions*, 1969, no. 4. (In Russ.)

2. Popov A. P. Modern domestic criminal process: goal-setting, system of goals, tasks and functions, means. Pyatigorsk, 2006. (In Russ.)

3. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book. St. Petersburg, 1998. (In Russ.)

4. Kolokolov N. A. Russian investigator-enlightened inquisitor with a human face. *Criminal proceedings*, 2018, no. 3. (In Russ.)

5. Tsvetkov Yu. A. It is impossible to stop suspending. *Criminal trial*, 2020, no. 12. (In Russ.)

6. Tomin V. T. Acute angles of criminal proceedings. Moscow, 1991. (In Russ.)